

Этнокультурно-ландшафтное районирование традиционного северного оленеводства в разрезе муниципальных образований Российской Федерации*

К. Б. Клоков¹, Е. В. Антонов^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт географии РАН, Российская Федерация, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29

Для цитирования: Клоков, К. Б., Антонов, Е. В. (2022). Этнокультурно-ландшафтное районирование традиционного северного оленеводства в разрезе муниципальных образований Российской Федерации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67 (4), 696–713. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.408>

Традиционное оленеводство — специфическая форма природопользования многих северных народов, на которой основаны их образ жизни и самобытная культура. Оно является важнейшей частью их нематериального культурного наследия. Несмотря на то что оленеводству посвящено множество этнологических исследований, оно еще не получило адекватного осмысления в терминах теории культурного ландшафта и районирования этнокультурной среды. В этой статье представлена система этнокультурно-ландшафтного районирования одного из наиболее своеобразных видов традиционного природопользования коренных народов России — северного оленеводства. Единицы районирования объединяют ландшафты, отмеченные определенным характером связей оленеводства с географической средой. Районирование проведено путем сочетания природно-ландшафтных и общественно-географических подходов для всей территории страны, где сохранилось традиционное северное оленеводство. Авторами предложена многоступенчатая схема районирования с использованием ранее выделенных экологических, социальных и институциональных факторов. На верхнем уровне за основу были взяты эколого-хозяйственные типы оленеводства, в соответствии с ними были разграничены зоны крупностадного тундрового, мелкостадного таежного и горного видов оленеводства. На втором уровне делимитация проведена по этнокультурному фактору с выделением четырех этнокультурных типов оленеводства: 1) ненецко-коми-ижемского; 2) тунгусского; 3) чукотско-корякского; 4) саянского. Выделенные этнокультурные типы тесно связаны с расселением оленеводческих народов. Наконец, на третьем уровне использовался прием так называемого плавающего признака. Результатом исследования стала карта районирования этнокультурных ландшафтов традиционного северного оленеводства с выделением 33 единиц разного таксономического уровня. Полученная схема районирования позволяет систематизировать представления об этнокультурных ландшафтах, учитывать их особенности при реализации государственных мер поддержки и развития традиционного оленеводства, диверсифицированно подходить не

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00665 «Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов России: структура и пространственные контексты».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

только к региональным, но и к локальным особенностям функционирования оленеводства в каждой конкретной единице районирования.

Ключевые слова: районирование, этнокультурный ландшафт, культурный ландшафт, геокультурное пространство, северное оленеводство, типы оленеводства, коренные народы Севера.

1. Введение

Северное оленеводство — интереснейшая форма традиционного природопользования, которая еще не получила достаточного осмысления в терминах теории культурного ландшафта. Часто связанное с номадизмом, оно играет важнейшую роль в образе жизни и культуре северных народов, признано этносохраняющей формой их хозяйства и частью их нематериального культурного наследия. Проблемам оленеводства посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных ученых, но специальные исследования по этнокультурному районированию оленеводства немногочисленны. К ним можно отнести работы, в которых рассматривались территориальные единицы для оленеводческо-промышленного хозяйства или традиционного природопользования в целом, включая и оленеводство (Сыроечковский, 1974; Головнев, 1993; Клоков и Хрущев, 2004; Рагулина, 2000; 2004 и др.).

В ряде исследований выделялись различные типы оленеводства, имевшие под собой географическую основу. Так, еще В. Г. Богораз (Тан-Богораз, 1932, с. 26) делил оленеводство по географическим признакам на санное тундровое и верховое таежное, а также с применением пастушеской собаки (к западу от Енисея) и без ее применения (к востоку от этой реки). Г. М. Василевич и М. Г. Левин (Василевич и Левин, 1951) выделили пять типов оленеводства по комплексу этнографических признаков (далее мы будем называть их этнокультурными типами). В атласе сельского хозяйства Якутии (Агропромышленный комплекс, 2000) выделено четыре оленеводческих региона по хозяйственным критериям. Морфологические признаки северного оленя (размеры туловища и головы), находящиеся во взаимосвязи с условиями обитания, позволяют выделить по меньшей мере три их породы (подвида): тундровую, таежную и горно-таежную (Подкорытов, 1995). Их особенности также влияют на формирование хозяйственных типов оленеводства.

В кочевом оленеводстве хозяйство и культура сплетены вместе и укоренены во вмещающем ландшафте. Поэтому комплексное географическое районирование, учитывающее как природные, так и социальные контексты, можно считать одним из важнейших инструментов его изучения. Основной методологический принцип такого районирования — холистический взгляд на этнокультурный ландшафт как на этноэкологическую систему, объединяющую социум с конкретным участком географической среды (вмещающим ландшафтом). Задача данной работы — эксплицировать, расширить и углубить этот подход на примере районирования северного оленеводства коренных народов России. Решая ее, мы в основном следовали разработкой Л. В. Смирнягиным (Смирнягин, 2011; 2012) процедуре общественно-географического районирования, имея при этом в виду специфику оленеводства как традиционной формы природопользования. В рамках этой процедуры были исполь-

зованы обычные для культурно-географического районирования подходы: идентификационный, административно-территориальный и ареальный (Калуцков, 2007).

В работе при проведении районирования учитывались несколько групп дифференцирующих признаков или факторов: природный или ландшафтный фактор и группа социально-культурных — этнический, хозяйственный, историко-политический (Дирин, 2015). При таком подходе предлагаемое районирование по своей сути представляет собой частный случай районирования геокультурного пространства территории распространения северного домашнего оленеводства — более комплексной процедуры по сравнению с собственно ландшафтным или этнографическим/этнокультурным районированием.

2. Постановка проблемы

В своей работе Л. В. Смирнягин (Смирнягин, 2012) выделяет в алгоритме районирования пять этапов, из них два последних — обзор сетки районирования и итерация — находятся, собственно говоря, уже за рамками основного процесса. Остановимся на первых трех, в которых производится формирование исходной гипотезы районирования, распознавание районов и определение их границ.

Исходная гипотеза формируется в виде общего представления о районированности территории, которое подразумевает определение основных факторов районообразования, приблизительного числа и взаиморасположения единиц районирования и предварительное выявление предполагаемых ядер районов еще без проведения их четких границ. Из предложенных Л. В. Смирнягиным для этой цели методических приемов мы использовали картографический, культурологический и отчасти исторический (проведя ретроспективный анализ статистических показателей).

Этнокультурные ландшафты оленеводческих народов формируются на основе этноэкологических систем традиционного природопользования. Ядрами таких систем являются сообщества (хозяйственные коллективы) людей и популяции (стада) domesticированных оленей, которые взаимодействуют друг с другом и с окружающей природной и социальной средой (Крупник, 1989). Эти взаимодействия и ведут к образованию районов, а также позволяют выявить признаки для их делимитации.

От природной среды зависят экологические условия жизни оленей и природный контекст жизнедеятельности оленеводов. Для домашних оленей важнейшие экологические факторы — это корма и климат. Зимой используются пастбища, богатые ягелем, а летом — зелеными кормами. Оптимальные для оленя климатические условия — это прохладное, ветреное, сырое лето, отсутствие мощных ледяных корок в толще снега зимой и снежных бурь в период отела. К негативным факторам относят хищников, пищевых конкурентов (дикого северного оленя) и эктопаразитов (оводы, комары и др.). В прошлом проблемой были эпизоотии, но благодаря систематической ветеринарной работе их опасность может быть сведена к минимуму. Имеют значение и другие природные условия. Например, желательнее, чтобы грунт был мягким, так как при беге по каменистому грунту олени травмируют себе копыта, и чтобы стадо могло раз в год выйти к берегу моря, где олени могут напиться морской воды и пополнить запасы соли в организме и др.

Районирование природной среды определяется двумя основными закономерностями: зональностью и региональностью (азональностью), которые имеют значение и для оленеводства. Преимущественно зональный характер имеет климат. Запасы кормовых растений лишь отчасти определяются географической зональностью. В тундре кормовая продуктивность растительных сообществ увеличивается по направлению к югу. В тайге такой закономерности нет. Распространение и продуктивность ягельников сильно связана с азональными факторами, так как ягель лучше растет на песчаных почвах.

Географическое распределение наиболее опасных для оленей хищников, волка и бурого медведя, в целом зонально, так как волк держится главным образом на открытых пространствах — в тундре и лесотундре, а медведь — в тайге. Однако степень опасности этих хищников для оленеводства определяется в большей степени контролем за их популяциями со стороны человека, а он полностью зависит от региональной экологической политики.

Аналогичная ситуация с главным пищевым конкурентом — диким северным оленем. Ареалы его крупнейших популяций, которые доставляют оленеводам много хлопот и неудобств, локализованы в тундрах Таймыра, Якутии и Чукотки, а их численность также контролируется человеком.

На условия жизни оленеводов зональность влияет как непосредственно (наличие/отсутствие древесной растительности, которая необходима для отопления мобильного жилища, длина светового дня, климат), так и косвенно. Наряду с охотой и рыболовством оленеводство — составная часть традиционного северного комплекса природопользования. В тундре эти промыслы обычно играют второстепенную роль, а в тайге, наоборот, оленеводство чаще всего является попутным занятием по отношению к охотничьему промыслу. Ведущая роль зональности в северном хозяйственном комплексе была раскрыта Е. Е. Сыроечковским (Сыроечковский, 1974, с. 314–317). Им были выделены биолого-экономические зоны и географические типы хозяйственной деятельности для сибирского Севера, которые вытекали из исторических традиций развития хозяйства и местных природных и экономических условий.

Зональность в оленеводстве проявляется специфически. Так как сезонные требования оленей к окружающей среде различны, оленеводы стремятся использовать в разные сезоны территории разных ландшафтных зон. С этим связаны их многосоткилометровые кочевки на равнинах и более короткие сезонные миграции со сменой высотных поясов в горах. Если оленеводство играет в традиционном хозяйственном комплексе ведущую роль, то сезонные кочевки всецело подчинены его интересам. В схеме кочевок учитываются не только пастбища, но и такие обстоятельства, как условия переправы через реки, потребность перед дальней миграцией пройти рядом с поселком и закупить в магазине товары, необходимость осенью подогнать оленей к забойному пункту и др. Если же роль оленеводства вспомогательная, приоритет в выборе маршрутов кочевания отдается интересам промысла, чаще всего охотничьего.

Таким образом, использование разнообразных по своим экологическим свойствам угодий необходимо не только для того, чтобы обеспечить оленей разными по составу сезонными кормами, но и для того, чтобы оленеводы могли заниматься рыболовством и охотой в удобных для этого местах. Поэтому территории оленеводства чаще всего приурочены к природно-ландшафтным рубежам.

Можно выделить три наиболее характерные схемы сезонных миграций (Клоков и Михайлов, 2017):

1) межзональные миграции в крупностадном тундровом оленеводстве на равнинах, где широтная зональность ландшафтов хорошо выражена. Места летнего выпаса расположены в тундре, а зимнего — в лесотундре и северной тайге. Длина сезонных кочевков часто составляет многие сотни километров;

2) вертикальные миграции в крупностадном оленеводстве в горах. Здесь используется вертикальная поясность горных ландшафтов: летом оленей пасут в горных тундрах, зимой — в речных долинах и у подножия гор. Расстояние между летними и зимними пастбищами небольшое;

3) круговые миграции характерны для транспортного оленеводства в тайге. Небольшое стадо содержится приблизительно в одном районе, часто используются изгороди. Встречается такая схема также и в тундре — на островах и в других местах, где нет возможности откочевывать на юг.

В целом, хотя воздействие на оленеводство каждого отдельного экологического фактора имеет смешанный зонально-азональный характер, наиболее мощное влияние на него как на традиционную форму северного природопользования оказывают широтная географическая зональность и макрорельеф — горный или равнинный. Их мы и взяли за основу на верхнем уровне районирования.

Наряду с природными в пространственной дифференциации оленеводства сильно проявляются и *этнокультурные различия*. Каждый народ занимается оленеводством, опираясь на собственные традиции и практики. Это подтверждается большим количеством известных этнографических фактов. Например, саамы часто сооружают изгороди, а ненцы и чукчи обходятся без них. Ненцы используют во время летнего выпаса оленьи упряжки, а чукчи летом пасут оленей пешком. В традициях коми-ижемцев принято полностью контролировать стадо, ненцы держат оленей свободнее, чукчи — еще свободнее, а эвены и юкагиры часто используют вольный выпас. Эвенки и тофалары уделяют большое внимание индивидуальному приучению оленей с самого раннего возраста. Такого рода различия дают возможность предположить, что границы между этнокультурными областями и районами в ряде случаев будут совпадать с границами расселения занятых оленеводством этносов. Однако не все так просто. Многие черты традиционного хозяйства формируются под воздействием «вмещающего» природного ландшафта, что ведет к сходству хозяйственных форм, которое аналогично явлению конвергенции в эволюции живых организмов. Кроме того, соседние группы часто заимствуют опыт оленеводства друг у друга. Как показали детальные исследования приемов выпаса оленей у ненцев и коми-ижемцев (Истомин и др., 2017, с. 120–122), в ряде мест складывается своя региональная система выпаса, в которой участвуют представители разных этносов. Однако в других случаях было отмечено, что в пределах даже одного муниципального района этнокультурные стереотипы (укоренившиеся традиции) различных этнических групп оленеводов играют заметную роль. Такие примеры приводит, например, Л. Н. Хаховская (Хаховская, 2007, с. 83) для Северо-Эвенского района Магаданской области, где эвенские и корякские оленеводческие хозяйства находятся рядом (см. характеристику единиц районирования в приложении 3.1¹).

¹ Приложение 3.1 можно найти по следующему электронному адресу: URL: <https://escjournal.spbu.ru/article/view/13817/9919>

Другой пример — на Таймыре в поселке Хантайское озеро, где примерно половину населения составляли эвенки, а другую половину — долгане, оленеводством занимались только эвенки (Андерсон, 1998). Существуют и другие подобные случаи.

Еще один важный для оленеводства фактор — *региональная политика*. Региональная политика связана с административно-территориальным делением. От того, в каком регионе находится та или иная общность оленеводов, зависит институциональная среда, которая формируется и эволюционирует под влиянием региональной политики властей по отношению к оленеводству и оленеводам. Власти могут активно поддерживать все формы оленеводства, или поддерживать только оленеводческие предприятия и ограничивать частных владельцев, или вообще почти не уделять оленеводству внимания. От региональной принадлежности зависит также и институциональная среда, в которой существует оленеводство. В частности, большое значение имеет наличие специального закона об оленеводстве, какие нормативные акты регулируют статус территорий традиционного природопользования, какую роль в поддержке оленеводства играют госпрограммы, а также какие институты регулируют отношения оленеводов с промышленным и транспортным освоением (Новикова, 2014).

3. Методика исследования и фактический материал

Ключевым вопросом при проведении районирования является выбор элементарного пространственного уровня. Что следует взять за его первичную ячейку и каково приблизительное количество таких ячеек? Поскольку в основе данного районирования лежат как ландшафтные, так и социально-экономические факторы, то элементарные территориальные ячейки должны характеризоваться полным набором характеристик, используемых для районирования. В ландшафтоведении при проведении районирования используются такие понятия, как операционная территориальная единица (ОТЕ) (Куприянова, 1975) и территориальный носитель информации (ТНИН) (Дьяконов, 1975), которые могут быть небольшого размера, вплоть до самых низких в таксономической иерархии (уровня урочищ и фаций). Возможность использования наиболее низкого иерархического уровня в качестве ОТЕ в таком случае лимитируется подробностью и доступностью ландшафтных карт, но обычно для природного ландшафтно-географического районирования обширных территорий такой ячейкой является индивидуальный ландшафт. В общественной географии первичной ячейкой районирования обычно является элемент административно-территориального деления — в современных российских реалиях муниципальный район/округ или городской округ, так как к нему привязана основная статистическая информация. Как правило, он значительно крупнее ландшафта по размерам. Таким образом, на первичном уровне комплексного районирования его предметом могут быть территориальные единицы более крупного ранга, чем ландшафт.

В определении этнокультурного ландшафта мы следуем положению В. Н. Калущкова (Калущков, 2008; 2009), согласно которому каждый такой ландшафт формируется конкретной группой местного населения. Очевидно, что его границы могут не совпадать с природными, но часто будут соответствовать границам муниципальных образований ранга сельского поселения. Исходя из этого, можно попытаться оце-

нить количество первичных (наименьших) ячеек районирования (т.е. этнокультурных ландшафтов) путем подсчета числа этнотерриториальных групп населения, занимающегося оленеводством. Первоначально схематическая карта размещения этнотерриториальных групп коренного населения Сибири и Севера была составлена по данным Приполярной переписи 1926/27 г. (Карта расселения..., 1970). На основании карты и переписи были выделены 345 территориальных соседских группировок коренных народов. Не все они, но подавляющая масса в большей или меньшей степени были связаны с оленеводством. На основе этих группировок впоследствии создавались кочевые советы, которые позднее трансформировались в центры оседания кочевого населения, поселки, сельсоветы и сельские поселения. На этой же основе возникли и различного рода хозяйственные объединения: колхозы, отделения совхозов, муниципальные и кооперативные предприятия, родовые общины и др. Таким образом, и административно-территориальное деление советского времени, и современные муниципальные районы, и сельские поселения в значительной мере наследуют границы, выявленные еще Приполярной переписью. Вместе с тем за прошедшие почти сто лет оленеводство существенно сократилось, и число этнокультурных ландшафтов, в которых оно до настоящего времени сохраняется, уменьшилось. Теперь все семьи оленеводов зарегистрированы в сельских поселениях. Поэтому число территориальных групп примерно соответствует числу сельских поселений, в которых зарегистрированы владельцы поголовья оленей: муниципальные унитарные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы, родовые общины, крестьянско-фермерские хозяйства, индивидуальные предприниматели (ИП), а также физические лица — так называемые частники, семьи которых часто объединяются для совместного выпаса оленей. Таким образом, первичные ячейки районирования в оленеводстве часто могут совпадать с границами муниципальных образований.

Это дает возможность использовать для районирования данные статистики. В базе данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики РФ (БД ПМО ФСГС РФ²) информация о поголовье оленей содержится для уровня муниципальных районов / городских округов. Поэтому мы, как правило, использовали в качестве первичной ячейки районирования муниципальный район, за немногими исключениями, о которых будет сказано ниже. При таком подходе — использовании сетки муниципального деления уровня района/округа, состоящей из достаточно крупных по размеру ТНИН, — неизбежно возникают ситуации, когда в состав выделенных единиц районирования будут попадать части территории, на которых на текущий момент не ведется оленеводческой деятельности, а преобладающим типом природопользования является, в частности, добыча полезных ископаемых. Кроме того, большая часть ареалов оленеводства имеют тенденцию постепенно сжиматься. В этих условиях можно условно разделять их по административным границам, отдавая себе отчет, что реально оленеводство может занимать лишь часть площади административной единицы или состоять из нескольких разрозненных очагов в ее пределах.

Для районирования, учитывающего большое число разнохарактерных явлений, Л. В. Смирнягин (Смирнягин, 2012) предлагает исходить из принципа «безгранично-

² База данных показателей муниципальных образований федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 04.03.2022).

сти», который утверждает, что главный смысл районирования составляет выделение ядра каждого района, а значимость точного проведения границ невелика, и нет смысла уделять этому вопросу много внимания. В качестве удобного для такого подхода рабочего приема он предлагает сначала выявлять ядра районов, где их признаки явно выражены, а уже потом проводить между ними границу, которая может быть и довольно условной. Для оленеводства такой подход особенно удобен, во-первых, в связи с размытостью некоторых границ и наличием переходных зон, во-вторых, в связи с его значительной динамичностью. Рассмотрев на предыдущем этапе основные факторы, влияющие на территориальную дифференциацию оленеводства, мы выявляем ядра и определяем основные линии делимитации единиц районирования. На верхнем уровне районирования мы разделяем территории крупностадного тундрового и мелкостадного таежного оленеводства. Эти два эколого-хозяйственных типа различны по многим признакам. Для первого из них характерны крупные стада, товарная направленность, длинные межзональные миграции, постоянный контроль за стадом, низкая степень прирученности большинства оленей (кроме ездовых) и ряд других черт. Для второго — маленькие стада, транспортная направленность, короткие миграции, вольно-лагерный выпас в летнее время, использование специальных средств привлечения и приручения оленей (таких как дымокуры, привязывание, содержание в изгородях, подкормка солью) и др. Для каждого из перечисленных признаков можно найти отдельные исключения, но они немногочисленны.

Указанные выше черты для тундрового оленеводства, кроме длинных, измеряемых сотнями километров сезонных кочевок, характерны также для крупностадного оленеводства в горах. Территорию такого оленеводства мы выделили на верхнем уровне районирования как отдельную эколого-хозяйственную зону.

На втором уровне районирования мы проводили делимитацию по этнокультурному фактору. Этнографы выделяют в России пять этнокультурных типов оленеводства. Три из них — самодийское (ненецко-коми-ижемское), тунгусское и чукотско-корякское — имеют широкое распространение, в целом приблизительно совпадающее с ареалами расселения соответствующих народов. Четвертый тип — саянское оленеводство — сохранился в нескольких локальных ареалах в горах юга Сибири у тофаларов, тувинцев-тоджинцев и сойотов. Саамское оленеводство как этнокультурный тип в России не сохранилось. Его отдельные характерные черты можно обнаружить в современном оленеводстве Кольского полуострова. Это деление на этнокультурные типы мы положили в основу второго уровня делимитации единиц районирования. При этом тундра и лесотундра Кольского полуострова были выделены в отдельную этнокультурную подобласть, так как здесь сложилась своеобразная система организации сезонного выпаса оленей, вобравшая в себя саамскую традицию вольного выпаса летом и многие черты, характерные для коми-ижемского оленеводства.

С учетом того, что в северном оленеводстве (за немногими исключениями) заняты только коренные народы, в качестве источника данных об оленеводческом населении мы использовали доступные материалы Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. о численности этих народов в разрезе муниципальных районов/городских округов. На карте (рис. 1) цветным фоном для каждого муниципального района показан преобладающий по численности оленеводческий народ. Точечным методом показана численность оленеводческих этносов, кроме коми-ижемцев, якутов и тувинцев-тоджинцев.

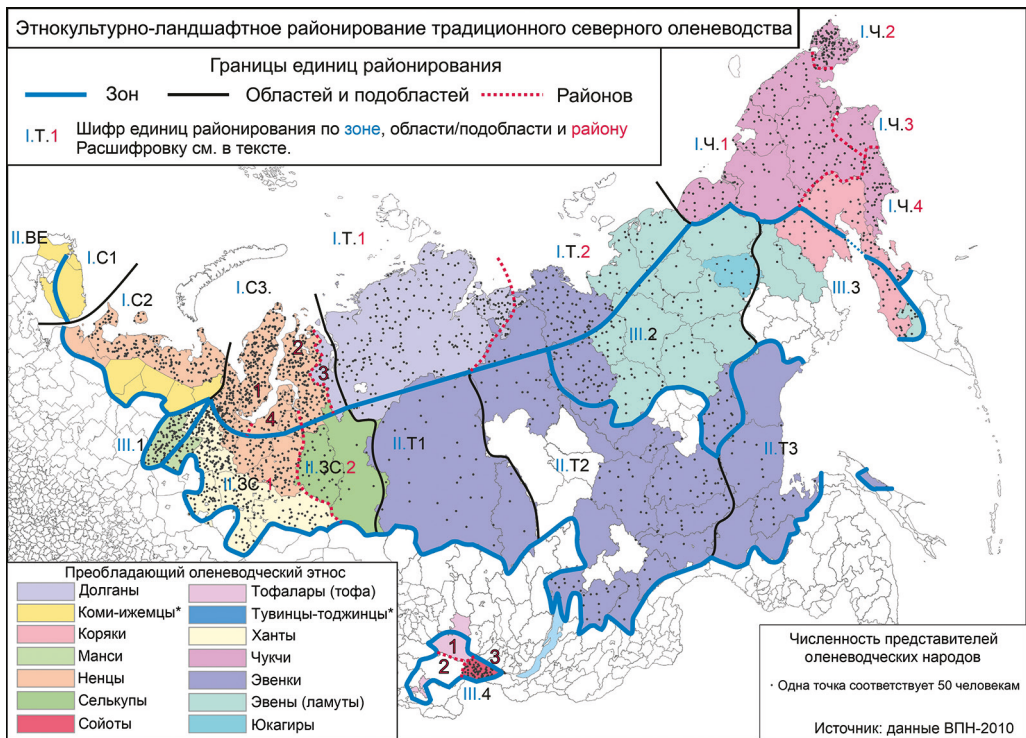

Рис. 1. Этнокультурно-ландшафтное районирование северного оленеводства. Расшифровка индексов единиц районирования дана в тексте статьи. Состав и численность этносов приведены по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.³

Примечание. Невыделение преобладающего оленеводческого этноса в районе означает отсутствие в муниципалитете оленеводческой деятельности.

К оленеводческим народам отнесены 16 коренных малочисленных народов (долгане, коряки, нганасаны, ненцы, селькупы, сойоты, саамы, тофалары, тувинцы-тоджинцы, уильга (ороки), ханты, чуванцы, чукчи, эвены, эвенки, юкагиры). Кеты и манси не были включены в этот перечень, так как последние десятилетия они уже не занимались оленеводством. Из немалочисленных северных народов оленеводством занимаются также коми-ижемцы и якуты. Данные об их численности для составления карты не были использованы, поскольку их население значительно превосходит численность других оленеводческих народов, но количество собственно оленеводов среди них сравнительно невелико.

На третьем уровне районирования мы использовали методический прием «плавающего» признака (Смирнягин, 2012; Манаков, 2012). Приведем здесь несколько его примеров.

³ В переписи 2010 г. в качестве отдельной этнической группы не выделялись такие оленеводческие народы, как тувинцы-тоджинцы и коми-ижемцы, традиционный уклад хозяйства которых отличается от уклада тувинцев и коми соответственно. По этой причине численность этих народов не отражена на представленной карте. По данным переписи 2002 г. численность тувинцев-тоджинцев составляла 4442 человека, практически все они проживали в Тоджинском кожууне Республики Тыва. Численность коми-ижемцев в 2002 г. в РФ составляла 15,6 чел., из них 12,7 тыс. проживали в Республике Коми (прежде всего в Ижемском районе) и 1,1 тыс. чел. в Мурманской области (в основном в Ловозерском и Кольском районе).

1. В Чукотском автономном округе (рис. 1) отдельно выделены два этнокультурных района (I.Ч.2 и I.Ч.3) как территории так называемого рискованного оленеводства (Мироненко, 2000). Здесь высок риск образования ледяной корки, поэтому чукчи до советских преобразований вообще не пасти там оленей в зимнее время. После рыночных реформ 1990-х годов оленеводство здесь очень сильно сократилось. В южном районе (I.Ч.3) оно вообще исчезло, а потом было восстановлено в небольшом масштабе. В этнокультурном районе Центральной Чукотки (I.Ч.1) сокращение оленеводства было не столь сильно выражено.

2. Этнокультурная подобласть западносибирского тундрового оленеводства (I.C3) разделена на четыре этнокультурных района. При их разграничении использован ряд признаков: направление сезонных миграций, масштабы промышленного воздействия на пастбищные территории и отношения с промышленными компаниями, соотношение различных форм собственности на оленей, этнический состав кочевых групп, тренды изменения поголовья оленей.

3. В области западносибирского таежного оленеводства этнокультурные районы разграничены по различиям в этническом составе населения.

Согласно приведенной методике, всего в системе районирования для территории России было выделено 24 единицы нижнего уровня (рис. 1), для их обозначения были использованы следующие термины.

Этнокультурный район (ландшафтный) — наименьшая единица районирования, которая может включать в себя одно или несколько муниципальных образований одного субъекта РФ со сходными характеристиками оленеводства.

Этнокультурная подобласть — промежуточная единица районирования, которая объединяет группу сходных *этнокультурных районов*, расположенных в разных субъектах РФ.

Этнокультурная область — единица районирования высокого ранга, которая охватывает *этнокультурные районы* с преобладанием оленеводства одного этнокультурного типа в пределах одной *эколого-хозяйственной зоны*.

Эколого-хозяйственная зона — единица районирования наиболее высокого ранга, которая объединяет территории с общей исторически сложившейся хозяйственной направленностью оленеводства (товарное или транспортное) и общими территориальными особенностями использования сезонных пастбищ (меридиональные или вертикальные сезонные перемещения).

В случае если дифференциация внутри области или подобласти отсутствует, внутри нее отдельные этнокультурные районы не выделяются (например, в области тунгусского таежного оленеводства).

Приведем дополнительные комментарии к карте, изображенной на рис. 1.

I — эколого-хозяйственная зона тундрового оленеводства:

I.C — этнокультурная область самодийского (ненецкого и коми-ижемского) тундрового оленеводства, I.C1 — Кольская этнокультурная подобласть,

I.C2 — этнокультурная подобласть восточноевропейского тундрового оленеводства,

I.C3 — этнокультурная подобласть западносибирского тундрового оленеводства,

I.C3.1 — Приуральско-Ямальский этнокультурный район,

I.C3.2 — Гыданский этнокультурный район,

- I.С3.3 — Приенисейский этнокультурный район,
- I.С3.4 — Надымско-Пуровский этнокультурный район;
- I.Т — этнокультурная область тунгусского тундрового оленеводства,
 - I.Т.1 — этнокультурный район оленеводства долган Восточного Таймыра и Западной Якутии,
 - I.Т.2 — этнокультурный район оленеводства эвенков, эвенов и юкагиров Северной Якутии;
 - I.Ч — этнокультурная область чукотско-корякского тундрового оленеводства,
 - I.Ч.1 — этнокультурный район тундр Центральной Чукотки (чукотское оленеводство с участием чуванцев и эвенов),
 - I.Ч.2 — этнокультурный район тундр Северо-Восточной Чукотки (чукотское оленеводство),
 - I.Ч.3 — этнокультурный район тундр Юго-Восточной Чукотки (чукотское оленеводство),
 - I.Ч.4 — Корякско-чукотский этнокультурный район (корякское, чукотское и эвенское оленеводство);
- II — эколого-хозяйственная зона таежного оленеводства:
 - II.ВЕ — этнокультурная область восточноевропейского таежного оленеводства;
 - II.ЗС — этнокультурная область западносибирского таежного оленеводства,
 - II.ЗС.1 — этнокультурный район оленеводства хантов и лесных ненцев,
 - II.ЗС.2 — этнокультурный район оленеводства селькупов и эвенков;
 - II.Т — этнокультурная область восточносибирского таежного оленеводства,
 - II.Т1 — западная этнокультурная подобласть (эвенкийское оленеводство),
 - II.Т2 — центральная этнокультурная подобласть (эвенкийско-якутское оленеводство),
 - II.Т3 — восточная этнокультурная подобласть (олeneводство эвенков, эвенов и уильта);
 - III — эколого-хозяйственная зона горного оленеводства:
 - III.1 — Уральская этнокультурная область самодийского оленеводства,
 - III.2 — Восточно-Якутская этнокультурная область эвенского оленеводства,
 - III.3 — Магаданско-Камчатская этнокультурная область эвенского и корякского оленеводства,
 - III.4 — Южносибирская этнокультурная область саянского оленеводства,
 - III.4.1 — этнокультурный район тофаларского оленеводства,
 - III.4.2 — этнокультурный район тоджинского оленеводства,
 - III.4.3 — этнокультурный район сойотского оленеводства.

4. Обсуждение результатов

Границы первого и второго уровня районирования прослеживаются на составленных нами картах статистических показателей (рис. 1 и 2). Так, граница между зонами тундрового и таежного оленеводства четко видна на картограмме плотности поголовья оленей на квадратный километр по значительному перепаду значений этого показателя (рис. 2). Границы зоны горного оленеводства на северо-востоке Якутии прослеживаются по небольшому перепаду этого же показателя, а также

по различиям в этническом составе, так как в горных районах среди оленеводов преобладают эвены, а в равнинных — эвенки.

Этнокультурные области — это ареалы преобладающих этнокультурных типов оленеводства. Границы между ними прослеживаются в первую очередь по численному преобладанию разных оленеводческих этносов (см. рис. 1) и по различиям в динамике поголовья оленей (рис. 2). Для области самодийского оленеводства в целом характерен рост или стабильность этого показателя, для чукотско-корякского — снижение, для областей тунгусского и саянского оленеводства — тоже снижение, но при значительно более низком уровне поголовья.

Рассмотрим соотношение единиц районирования с административно-территориальным делением. Для делимитации единиц районирования мы несколько раз использовали административные границы между субъектами РФ, как между ныне существующими, так и существовавшими в недавнем прошлом. В тундровой зоне такие границы близки с этнокультурными. Так, граница между чукотско-корякским и тунгусским оленеводством прошла близко к административной границе между Чукоткой и Якутией. Эта граница представляет собой широкую переходную полосу.

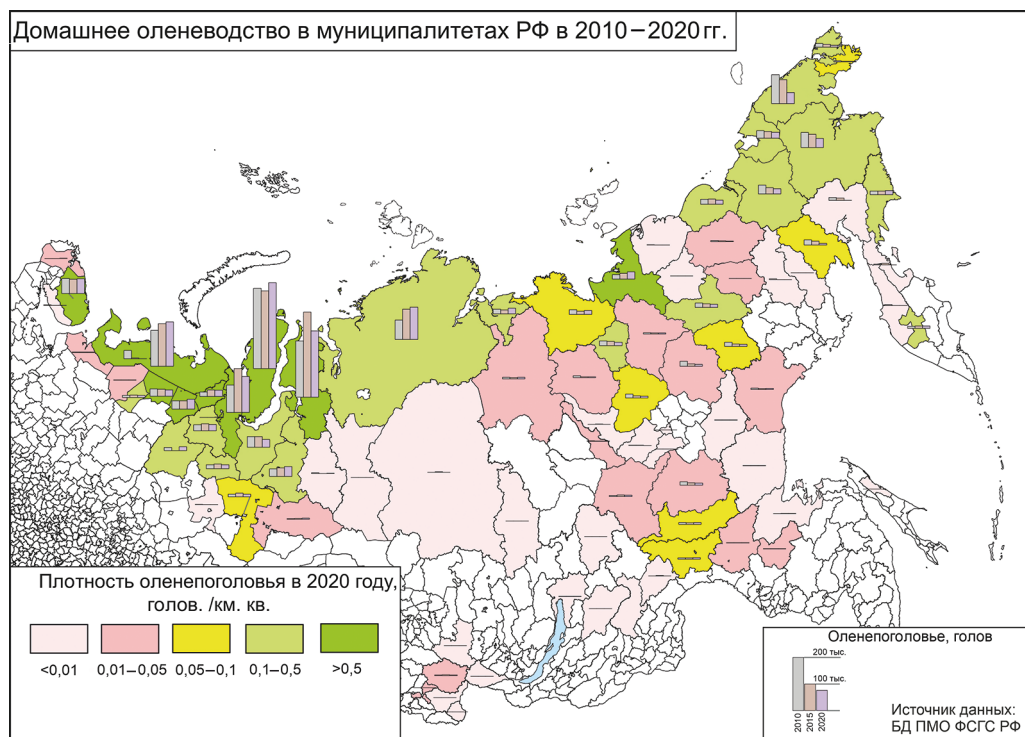

Рис. 2. Динамика поголовья домашнего северного оленя и его плотность по муниципальным образованиям Российской Федерации. Источник: составлено авторами по данным БД ПМО ФСГС РФ. Подробные данные по динамике оленепоголовья по муниципальным образованиям см. в приложении 3.2⁴

⁴ Приложение 3.2 можно найти по следующему электронному адресу: URL: <https://escjournal.spbu.ru/article/view/13817/9920>

Самые западные группы чукчей-оленеводов живут в Якутии в Нижнеколымском улусе, а эвенское оленеводство распространено также и в западной части Чукотки.

Кроме наличия переходных зон, для оленеводства характерен некоторый сдвиг этнокультурных границ по отношению к административным, поскольку кочевые группы склонны вообще игнорировать административные границы. Так, восточная граница ненецкого оленеводства не совпадает с западной границей Красноярского края, а проходит немного восточнее. Последние полстолетия она совпадает с рекой Енисей, а в середине прошлого века ненцы держали несколько тысяч оленей и на правом берегу этой реки. В связи с этим восточная граница области самодийского оленеводства не совпадает с административной, а картограмма (см. рис. 2) дает искаженное представление о плотности оленепоголовья в Таймырском муниципальном районе, где 95 % оленей сосредоточено у ненцев на левобережье Енисея, а 5 % — на крайнем востоке района у долган. В центральной части Таймыра домашнее оленеводство отсутствует, поскольку здесь обитает крупная популяция диких северных оленей.

Обширную область самодийского оленеводства мы разделили на подобласти по административным границам. Отдельно выделена Мурманская область, где сложилась уникальная система тундрового оленеводства с использованием изгородей. Четко выделяется и проходящая по Уральским горам граница между Ненецким и Ямало-Ненецким автономными округами. Экономика и институционализация оленеводческих хозяйств в этих округах сильно различается, различны и тенденции изменения поголовья оленей во времени.

Вместе с тем граница между Ненецким автономным округом и Республикой Коми с точки зрения системы выпаса оленей вообще не существует, поскольку территория Большеземельской тундры образует один общий массив пастбищ, относящихся к двум субъектам РФ. При этом зимние землепользования оленеводческих хозяйств Ненецкого округа расположены в северной части Республики Коми, а летние пастбища хозяйств этой республики официально закреплены на территории Ненецкого округа. Однако региональная политика в отношении оленеводства в этих регионах различна. Ненецкий округ оказывает оленеводческим хозяйствам существенно большую поддержку. По этой причине одно из крупнейших хозяйств Республики Коми («Ижемский оленевод»), в 2005 г. перерегистрировалось в Ненецкий округ (Клоков, 2020).

В таежной зоне оленеводство тяготеет к административным границам — здесь в поляризованном экономическом пространстве оно сохранилось лишь на крайней периферии, в самых труднодоступных местах. Так, эвенкийское таежное оленеводство в Восточной Сибири довольно четко приурочено к пограничным между субъектами РФ районам — вдоль границ между Республикой Саха (Якутия) и Иркутской, Амурской областями, Республикой Бурятия и Забайкальским краем. Такая же ситуация в области саянского горного оленеводства. В прошлом она представляла собой единый ареал на пограничном участке между Иркутской областью (Нижнеудинский район), Республикой Тывой (Тоджинский и другие районы) и Республикой Бурятией (Окинский район). К настоящему времени от этого ареала сохранились лишь локальные очаги, расположенные у границ между субъектами РФ.

Полученная схема районирования обнаруживает общие черты как с известной системой физико-географического районирования А. Г. Исаченко (Исаченко, 2008,

с. 51–52), так и с культурно- и историко-географическими системами районирования (Андреев, 2012; Манаков, 2012, с. 27). Такое соответствие говорит о том, что природу, особенно «очеловеченную» в результате хозяйственной деятельности, можно рассматривать как часть культуры, входящую в состав таких географических комплексов, какими являются этнокультурные ландшафты. В традиционном природопользовании, в том числе и в оленеводстве, где деятельность человека является прямым продолжением природных экологических процессов, такое соответствие проявляется особенно явно.

5. Заключение

Проведенное районирование помогает выявить факторы пространственной дифференциации традиционного оленеводства и дает лучшее понимание закономерностей его эволюции в различных регионах России. При этом появляется возможность подойти к оленеводству как к территориально дифференцированному явлению, с различными, часто противоположно направленными траекториями его эволюционных изменений в разных единицах районирования. Это открывает перспективы в определенных пределах прогнозировать и управлять изучаемыми этнокультурными ландшафтами оленеводства как сложными геосистемами, в частности более обоснованно распределять средства, выделяемые на государственную поддержку оленеводства — этносохраняющей отрасли северного хозяйства.

Примеры районирования этнокультурных ландшафтов в масштабе РФ пока единичны. Поэтому опыт проведенного районирования может оказаться полезен для дальнейших работ в этом направлении. В практическом плане районирование помогает обосновать и уточнить адресность стратегических разработок и других институтов региональной политики в области традиционного северного оленеводства. В ряде регионов приоритеты и формы такой политики целесообразно дифференцировать по группам муниципальных образований, входящих в одну единицу районирования.

Экономические, социальные и этнокультурные приоритеты поддержки оленеводства могут быть локализованы в соответствии с действием выявленных в ходе районирования факторов и признаков, которые были использованы при делимитации границ районирования. Так, зональность определяет возможные масштабы производства и адресность экономических приоритетов. Ее учет нужен, чтобы дать ответ на вопрос, где может быть перспективным крупностадное товарное оленеводство, а где правильнее ориентироваться на социальные и этнокультурные приоритеты бесприбыльного хозяйствования.

Учет региональных особенностей не менее важен. На региональном уровне складывается характерный стиль отношений между сообществами оленеводов и властными структурами. От традиционных ценностей этнической культуры конкретной территориальной общности оленеводов зависит, какие административные меры могут принести пользу, а какие окажутся бесполезными. В одних районах важна поддержка оленеводства как бизнеса, в других — преимущественно как социальной сферы, обеспечивающей занятость и социальное благополучие коренного населения, в-третьих — как формы нематериального культурного наследия.

Кроме того, районирование позволяет выявить ареалы с уникальными характеристиками, требующие специального индивидуализированного подхода (например, этнокультурные ландшафты Центрального Таймыра). Необходимо оно и для выявления, оценки и обоснования мер по охране нематериального культурного наследия.

Литература

- Агропромышленный комплекс (2000). Якутск: ГУП Агроинформ.
- Андерсон, Д. Дж. (1998). *Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Андреев, А. А. (2012). Опыт культурно-ландшафтного районирования России. *Псковский регионологический журнал*, 14, 22–35.
- Василевич, Г. М., Левин, М. Г. (1951). Типы оленеводства и их происхождение. *Советская этнография*, 1, 63–87.
- Головнев, А. В. (1993). *Историческая типология хозяйства народов Севера Западной Сибири*. Новосибирск: Наука.
- Дирин, Д. А. (2015). Геокультурное пространство: понятие, структура, основные свойства и факторы дифференциации. *География и природопользование Сибири*, 19, 45–56.
- Дьяконов, К. Н. (1975). Методологические проблемы изучения физико-географической дифференциации. *Вопросы географии. Сб. 98: Количественные методы изучения природы*. М.: Мысль, 28–51.
- Исаченко, А. Г. (2008). *Ландшафтная структура земли, расселение, природопользование*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Истомин, К. В., Лискевич, К. В., Уляшев, О. И. (2017). Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 4 (39), 114–125.
- Калуцков В. Н. (2007). *Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: Постановка проблемы. Рябининские чтения — 2007: материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера*. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/guabini-2007> (дата обращения: 29.09.2022).
- Калуцков, В. Н. (2008). *Ландшафт в культурной географии*. М.: Новый хронограф.
- Калуцков, В. Н. (2009). О ландшафтных перспективах этнической экологии (по работам В. И. Козлова). *Этнос и среда обитания. Т. 1: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова*. М.: Старый сад, 32–44.
- Карта расселения соседских территориальных группировок народов Севера на 1926–1927 гг. (1970). В: Вайнштейн, С. И., Васильев, В. И., Гурвич, И. С. *Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.* М.: Наука.
- Клоков, К. Б. (2020). Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики. В: В. Н. Давыдов, отв. ред. *Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений*. М.: Восточная литература, 49–86.
- Клоков, К. Б., Михайлов, В. В. (2017). Механизмы воздействия природных и социальных факторов на жизнеобеспечение локальных сообществ оленеводов в таежных и тундровых ландшафтах. В: В. Н. Давыдов, отв. ред. *Этнос и среда обитания. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения*. М.: ИЭА РАН, 109–130.
- Клоков, К. Б., Хрущев, С. А. (2004). *Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера. Информационно-аналитический обзор*. СПб.: ВВМ.
- Крупник, И. И. (1989). *Арктическая этноэкология*. М.: Наука.
- Куприянова, Т. П. (1975). Физико-географическое районирование по принципам однородности территорий. *Вопросы географии. Сб. 98: Количественные методы изучения природы*. М.: Мысль, 114–130.
- Манаков, А. Г. (2012). Структура геокультурного пространства России: подходы к делимитации. *Псковский регионологический журнал*, 14, 22–35.

- Мироненко, О. (2000). Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств. *Новости оленеводства. Вып. 4*. Магадан: Зональный НИИСХ Северо-Востока, 70–79.
- Новикова, Н.И. (2014). *Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии*. М.: Наука.
- Подкорытов, Ф. М. (1995). *Оленеводство Ямала. Сосновый бор*: Изд-во ЛАЭС.
- Рагулина, М. В. (2000). *Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Рагулина, М. В. (2004). *Культурная география: теория, методы, региональный синтез*. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН.
- Смирнягин, Л. В. (2012). Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности. В: В. А. Шупер, ред. *Проблемы географической реальности: сб. докладов*. М.: Эслан, 191–200.
- Смирнягин, Л. В. (2011). Методические подходы к районированию в общественной географии. *Вестник Московского университета. Сер. 5. География*, 6, 13–19.
- Сыроечковский, Е. Е. (1974). *Биологические ресурсы Сибирского Севера. Проблемы освоения*. М.: Наука.
- Тан-Богораз, В. Г. (1932). Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. *Советская этнография*, 4, 26–62.
- Хавовская, Л. Н. (2007). Магаданское оленеводство в условиях рыночной экономики. *Вестник ДВО РАН*, 3, 77–86.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.
Статья рекомендована к печати 15 октября 2022 г.

Контактная информация:

Клоков Константин Борисович — k.b.klokov@gmail.com

Антонов Евгений Викторович — antonov@igras.ru

Ethnocultural landscapes zoning of traditional reindeer husbandry in the context of municipalities of the Russian Federation*

K. B. Klokov¹, E. V. Antonov^{1,2}

¹ St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russian Federation

For citation: Klokov, K. B., Antonov, E. V. (2022). Ethnocultural landscapes zoning of traditional reindeer husbandry in the context of municipalities of the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67 (4), 696–713. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.408> (In Russian)

Traditional reindeer husbandry is a specific form of nature management for many northern peoples, on which their way of life and distinctive culture are based. It is a fundamental part of their cultural heritage. Although there are many ethnological studies on reindeer husbandry, it has not yet been adequately understood in terms of cultural landscape theory and ethnocultural zoning. This article presents a system of ethno-cultural-landscape zoning of one of the most peculiar types of traditional natural resource use of the indigenous peoples of Russia — reindeer herding. The zoning units include landscapes with a certain character of connections of reindeer herding with the geographical environment. The zoning was done by combining natural-landscape and social-geographical approaches for the entire

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00665 “Ethno-cultural landscapes of the reindeer herding peoples of Russia: structure and spatial contexts”.

territory of the country where nomadic traditional reindeer husbandry still exists. Using the previously identified environmental, social and institutional factors, the authors proposed a multistage zoning scheme. At the upper level, the reindeer husbandry ecological-economic types were taken as the basis, and the zones of large-herd (in tundra), small-herd (in taiga) and mountain reindeer husbandry were delimited accordingly. At the second level, the delineation is based on the ethno-cultural factor, identifying four ethno-cultural types of reindeer husbandry: Nenets & Komi Izhem, Tungus, Chukchies & Koryak and Sayan, which are closely related to the location of reindeer herding peoples. Finally, the third level uses the technique of the so-called “floating indicator”. The research resulted in the zoning map of ethno-cultural landscapes of traditional reindeer husbandry with 33 units related to different taxonomic levels. The resulting zoning scheme makes it possible to systematize ideas about ethno-cultural landscapes, takes into account their features when implementing state measures of support and development of the traditional reindeer husbandry, and take a diversified approach not only to regional, but also to local features of reindeer herding functioning in each particular zoning unit.

Keywords: zoning, ethno-cultural landscape, cultural landscape, geo-cultural space, northern reindeer herding, types of reindeer herding, indigenous peoples of the North.

References

- Agro-industrial complex* (2000). Yakutsk: GUP Agroinform Publ. (In Russian)
- Anderson, D. J. (1998). *Tundras: Ecology and self-consciousness of the Taimyr Evenks and Dolgans*. Novosibirsk: SB RAS Publ. (In Russian)
- Andreev, A. A. (2012). The experience of cultural and landscape zoning of Russia. *Pskov Regionological Journal*, 13, 12–25. (In Russian)
- Diakonov, K. N. (1975). Methodological problems of studying physical and geographical differentiation. *Voprosy geographii. Iss. 98: Kolichestvennye metody izucheniia prirody*. Moscow: Mysl' Publ., 28–51. (In Russian)
- Dirin, D. A. (2015). Geocultural space: concept, structure, basic properties and differentiation factors. *Geography and Nature Management of Siberia*, 19, 45–56. (In Russian)
- Golovnev, A. V. (1993). *Historical typology of the economy of the peoples of the North of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian)
- Isachenko, A. G. (2008). *Landscape structure of the earth, settlement, nature management*. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)
- Istomin, K. V., Liskevich, K. V. and Ulyashev, O. I. (2017). Komi-Izhma reindeer herding husbandry: ethnic invariants and local variations. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (39), 114–125. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-114-125> (In Russian)
- Kalutskov, V. N. (2007). *Cultural and landscape zoning of the Russian North: Problem statement. Ryabinin Readings-2007: Materials of the scientific conference on the study of folk culture of the Russian North. Kizhi Museum-Reserve*. Petrozavodsk. [online] Available at: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007> [Accessed: 29.09.2022]. (In Russian)
- Kalutskov, V. N. (2008). *Landscape in Cultural Geography*. Moscow: Novyy khronograf Publ. (In Russian)
- Kalutskov, V. N. (2009). On landscape perspectives of ethnic ecology (based on the works of V. I. Kozlov). *Ethnos and habitat. Vol. 1: Collection of ethnoecological studies for the 85th anniversary of V. I. Kozlov*. Moscow: Staryy sad Publ., 32–44. (In Russian)
- Khakhovskaya, L. N. (2007). Magadan reindeer husbandry in a market economy. *Bulletin of the FEB RAS*, 3, 77–86. (In Russian)
- Klokov, K. B. (2020). Multidirectional trends in traditional reindeer husbandry of the peoples of Siberia and the Arctic. In: V. N. Davydov, ed., *Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic changes*. Moscow: Vostochnaia literatura Publ. 49–86. (In Russian)
- Klokov, K. B. and Khrushchev, S. A. (2004). *Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North. Information and analytical review*. St Petersburg: VVM Publ. (In Russian)

- Klokov, K. B. and Mikhailov, V. V. (2017). Mechanisms of the impact of natural and social factors on the livelihoods of local communities of reindeer herders in taiga and tundra landscapes. In: N. A. Dubova, ed., *Ethnicity and habitat. Iss. 5: Studies of life support systems*. Moscow: IEA RAS Publ. (In Russian)
- Krupnik, I. I. (1989). *Arctic Ethnoecology*. Moscow: Nauka Publ., 109–130. (In Russian)
- Kupriyanova, T. P. (1975). Physical and geographical zoning according to the principles of uniformity of territories. *Voprosy geographii. Iss. 98: Kolichestvennye metody izucheniia prirody*. Moscow: Mysl' Publ., 114–130. (In Russian)
- Manakov, A. G. (2012). The structure of the geocultural space of Russia: approaches to delimitation. *Pskov Regionological Journal*, 14, 22–35. (In Russian)
- Map of the settlement of neighboring territorial groupings of the peoples of the North for 1926–1927 (1970). In: Weinstein, S. I., Vasiliev, V. I., Gurvich, I. S. *The social system among the peoples of Northern Siberia. XVII — early XX century*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Mironenko, O. (2000). Ways to optimize the system of land use and land management of reindeer herding and commercial farms. *Reindeer husbandry news. Iss. 4*. Magadan: Zonal Research Institute of the North-East Publ. (In Russian)
- Novikova, N. I. (2014). *Hunters and Oilmen: a Study in Legal anthropology*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Podkorytov, F. M. (1995). *Reindeer husbandry of Yamal*. Sosnovy bor: LNPP Publ. (In Russian)
- Ragulina, M. V. (2000). *Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)*. Novosibirsk: SB RAS Publ. (In Russian)
- Ragulina, M. V. (2004). *Cultural geography: theory, methods, regional synthesis*. Irkutsk: Institute of Geography SB RAS Publ. (In Russian)
- Smirnyagin, L. V. (2011). Methodological approaches to zoning in public geography. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 5. Geographiia*, 6, 13–19. (In Russian)
- Smirnyagin, L. V. (2012). Boundless zoning and floating signs as a means of cognition of geographical reality. In: V. A. Shuper, ed., *Problems of geographical reality*. Moscow: Eslan Publ. (In Russian)
- Syroechkovsky, E. E. (1974). *Biological resources of the Siberian North. Problems of development*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Tan-Bogoraz, V. G. (1932). Reindeer herding according to the economic census of 1926–1927. *Soviet Ethnography*, 4, 26–62. (In Russian)
- Vasilevich, G. M. and Levin, M. G. (1951). Types of reindeer husbandry and their origin. *Soviet Ethnography*, 1, 63–87. (In Russian)

Received: June 20, 2022
Accepted: October 15, 2022

Authors' information:

Konstantin B. Klokov — k.b.klokov@gmail.com
Evgeny V. Antonov — antonov@igras.ru